

венно дистанцированной коммуникации в деловых письмах невозможны оперативные адекватные действия по выяснению и снятию противоречий, что вполне возможно при непосредственном устном общении.

Приведенные наблюдения, естественно, не исчерпывают всех особенностей аутентичных и неаутентичных деловых писем, однако подчеркивают специфику как тех, так и других писем, что необходимо учитывать в процессе деловой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталова Т.М. Культурный компонент как элемент структуры текста // Индивидуальное и социальное в текстообразовании / Сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 376. М., 1991.
2. Lars M. Fant and Annette Grindsted. Responses to Value Mismatch in Intercultural Negotiation Interaction // Text, volume 15 - 4 (1995). Ed. by Teun A. Van Dijk. Berlin, New York.
3. Кандинский Б.С. Текст как единица конфликтной коммуникации // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 252. М., 1985.
4. Fisher R., Ury W. (with Bruce Patton, editor). Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Going In. - 2nd ed. N.Y.: Penguin Books, 1991.

С.И.Дубинин

Самарский госуниверситет

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЛЕКСИКОГРАФИИ XVI ВЕКА

В эпоху позднего Средневековья немецкий письменно-литературный язык был представлен в виде нескольких конкурентных территориальных вариантов, ведущими из которых являлись восточно-средненемецкий и юго-восточный узусы. Важным показателем приоритетности локального “стандарта” являлась фиксация его лексического узуса в первых немецких словарях, появившихся в начале XVI века. Однако в работах отечественных исследователей истории немецкого литературного языка вопрос о месте лексикографии в процессе унификации территориального варьирования на раннем этапе не акцентируется. Так, в фундаментальных исследованиях М.М. Гухман эта проблема затрагивается лишь в связи с процессом воздействия

“языка Лютера” на территориальные узусы, как отражение процессов дезинтеграции литературного языка в отдельных ареалах [1, 66, 86-88].

В отечественной германистике вопрос о месте лексикографии в становлении национального литературного языка на раннем этапе наиболее полно рассматривается С.А. Мироновым на примере нидерландского языка [2, 173-176]. Считая активизацию национальной лексикографии XVI века отражением процесса расширения сфер функционирования литературного языка, он предлагает следующую модель развития лексикографической традиции: от потребностей освоения латыни как “квази-стандарта” в рамках европейской гуманистической традиции к созданию “лексических сводов” родного языка, последующее развитие элементов пуризма и интеррегионального отбора и, как следствие, осознание образцовых, ведущих территориальных вариантов литературного языка.

С.А. Миронов формулирует также критерии оценки деятельности первых лексикографов: 1) оценка языковых взглядов авторов словарей, понимания ими т.н. “образцового языка” и отношение к региональным вариантам; 2) прагматическая направленность словаря; 3) принципы построения словарей [2, 173, 192]. Представляется плодотворным использование этих положений для рассмотрения процессов варьирования в лексическом узусе немецкого письменно-литературного языка 16 века, что и явилось целью данной статьи.

На первый взгляд, парадоксально, что первые словари появляются на периферии немецкой языковой области, в зоне юго-западного варианта литературного языка, активно не участвовавшего в интеграционных процессах (Швейцария, Эльзас). Поэтому утверждение, что зарождение немецкой лексикографической традиции есть прямое отражение унификационных процессов, представляется несколько прямолинейным [3, 164-165].

Если считать точкой отсчета самостоятельной немецкой лексикографии 1535 год, когда вышел латинско-немецкий словарь П.Дазиподиуса, швейцарца, жившего в Страсбурге [4, 74], то предпочтительнее говорить о “всплеске” юго-западной лексикографической традиции в связи с событиями Реформации, породившем несколько типов лексикографических источников. Сюда следует отнести: 1) библейские глоссарии 1520-1540-х гг., авторами которых были в основном базельские протестантские печатники-популяризаторы Лютера; 2) собственно двуязычные латинско-немецкие и немецко-латинские словари 1530-1560-х гг., созданные швейцарскими гуманистами на волне “неолатинизации”; 3) разнообразные ученые лексиконы.

В целом практика создания этих источников отражала противоборство юго-западного и восточно-среднегерманского с примкнувшим к

нему юго-восточным вариантом, влияние которых разворачивалось в Швабии, Эльзасе и Швейцарии ступенчато вплоть до начала XVII века. Оценка швейцарской лексикографии XVI века с точки зрения критериев, предложенных С.А.Мироновым, позволит определить ее место в процессе унификации общенемецкого лексического узуса и ответить на вопрос, в какой мере швейцарцы отражали узус юго-западного варианта литературного языка.

В группу т.н. швейцарских словарей входят: 1) словник незнакомых слов (ок. 200 ед.) базельского печатника А.Петри к Новому Завету Лютера (1523 г.) и его переиздания и переработки, последние из которых появляются в 1540-х гг.; 2) двуязычные латинско-немецкие и немецко-латинские словари интеграционного типа т.н. "группы Хр. Фрошауэра" под редакцией Й.Фриза и П.Коллина и их цюрихские переиздания 1540-1560-х гг., а также словарь Й.Малера (1561 г.), который по оценке Я.Гримма был первым общенемецким словарем [5, 26-27].

Концепция языка в глоссариях *a la Petri* довольно однозначна: *unser Hochdeutsch für christl. Leser*. Считая главной целью освоение восточно-средненемецкого узуса, А.Петри осторожен в оценке местного территориального варианта. По-мнению И.Эрбена, юго-западные глоссарии к переводам Лютера выразили потребности толкования незнакомых слов в произведениях Реформатора, не отражали местный лексический узус [6, 558-559]. Библиейские глоссарии швейцарских реформаторов зафиксировали лишь очевидную конфронтацию юго-западного и восточно-средненемецкого территориальных вариантов и потребность в ее преодолении.

Одновременно с лексикографической практикой в Швейцарии появляются т.н. языковые трактаты, позиция авторов которых влияла на лексикографов в условиях первичной "квази-фиксации" местного узуса. Наиболее значительными из них были "Энхиридон" И.Кольроса (1530 г.), "Реция" базельского историка Э.Чуди (1538) и "Митридат" К.Геснера (1555 г.). Наиболее радикальна позиция языкового сепаратизма у Э.Чуди, выражавшего идеи цвинглианцев о "*eidgenössische Sprache*". Кольрос и Геснер были более реалистичны, отмечая равноправие местных форм немецкого языка и признавая образцом южнонемецкий [7, 70-73]. Хотя теоретики швейцарской лексикографии 1640-х годов в целом не поддержали идеи сепаратизма, местные двуязычные словари по-разному отражали соотношение общенемецкого / регионального узусов.

Позиция лексикографов наглядно проявилась в оценке родного языка, выраженной в самом названии словарей и в редакционных предисловиях, где он попеременно называется лат. "*teutonicus / germani-*

cus". Однако уже П.Дазиподиус понимает под "Germania" языковое пространство немецкого языка в надтерриториальном смысле, имея в виду под "teutonicus" южнонемецкий язык. Й.Малер использует оба латинских термина недифференцировано. В предисловии к словарю Малера, которое составил Геснер, отмечается образцовость стиля языка Лютера, его совершенство.

М.М. Гухман предположила, что Дазиподиус стремился создать образец областного (общенемецкого) в своей основе словаря, а словарь Малера являлся по сути региональным (швейцарским). Словари Фриза занимали промежуточное положение, дистанцируясь от местных особенностей [8, 168].

Однако оценка словаря Малера как сугубо регионального представляется не совсем правомерной, поскольку нуждается в уточнении сам характер фиксации в нем регионализмов, их расположения в словарных статьях. "Teutsch Spraach" (объем ок. 23 тыс. единиц) имеет сложную интегративную структуру с элементами словаря синонимов, толкового и тематического типа.

Если в словаре Дазиподиуса словарная статья строилась по схеме: Lat. Stichwort → Interpretament (dt. Lexem) → Synonym (schweiz., elsäß. Lexem), то у Малера она крайне вариативна. Латинско-немецкие словари до Малера были ориентированы в основном на школьные нужды. Лексикографическая практика Малера базировалась на изучении жанров популярных античных биографий, описаний путешествий, переводы которых появились в Швейцарии с середины XVI века, на традициях швейцарских гуманистов.

Очевидно, что Малер не был самостоятелен при составлении словаря, следуя замыслу Й.Фриза, который, увлекаясь естественнонаучными изысканиями, планировал создать тезаурус с элементами этимологического словаря. Лексический свод Малера занимает промежуточное положение между словарями Дазиподиуса и Фриза и включает, как отмечается в заглавии: *alle woerter, namen unt arten zu reden in Hochdeutsch*, а также некоторые окказионализмы Лютера.

Малер различает понятия *gemein / landlich* и региональная лексика у него, как и у Дазиподиуса, чаще представлена как синоним к общенемецкой лексеме, например: *gipfel / first; lantschaft / gegni; teppich / tuoch*. Впрочем, диалектно-просторечная лексика выносится в основание словарных статей, например: *Furtzeler* "подкаблучник"; *Sudler* "мазила".

Однако показателем отношения лексикографа к региональному узусу является фиксация наиболее известных гетеронимов. Стилистически немаркированные диалектизмы Малер спорадически выносит в основание статей, тогда общенемецкая лексема дается как

синоним, например: *luogen / sehen; losen / zuhoeren; grint / kopf / haupt*, причем в последнем случае алем. *grint* дается в коллоквиальном значении “чесотка”.

Более последователен Малер при фиксации тематически маркированных диалектизмов, в частности, названий ремесел, например: *Kueffer / Faßbinder; Karrer / Fuorman; Keßler / Kupferschmied*. Однако они интересуют его скорее как собирателя, поскольку в целом при отражении гетеронимических пар типа “регионализм / общенемецкая лексема” и “диалектизм / общенемецкая лексема” автор словаря не ориентируется на абсолютно адекватное отражение локального лексического узуса.

Признаком того, что Малер не дает простой фиксации алеманнской лексики, является традиционная восточно-средненемецкая графика (в частности, дифтонгизация), хотя алеманнский суффикс *-ee* прослеживается отчетливо. Как справедливо отмечает М.М.Гухман, швейцарский лексикограф последовательнее кодифицирует общеюжнонемецкую лексику, которая дается в словаре без синонимов [8, 166-168], а в графике заметны и юго-восточные влияния.

В плане отношения к региональному лексическому узусу очень наглядно сравнение словаря Малера с текстами цвинглианских авторов периода обострения конфессиональных конфликтов (1520-1530-е гг.). Так, в текстах У.Цвингли и его последователей диалектизмы отражаются последовательно, случаи их нейтрализации в дублетных парах касаются лишь глаголов чувственного восприятия, служебных слов, что делает швейцарскую конфессиональную прозу цвинглианцев более адекватным отражением местного узуса, чем словари швейцарских гуманистов, дистанцировавшихся от идей языкового сепаратизма [9, 195-197].

Как отмечалось выше, Малер предназначал свой словарь не для школы, а для целей широкой письменно-языковой практики гуманистов. Отказываясь от кодификации юго-западного лексического узуса, он не выделяет алеманнизм как наиболее характерный элемент в парах гетеронимов и не дает диалектных помет. Именно последний признак “образцовой лексики” С.А.Миронов считает маркером фиксации и престижности конкретного территориального варианта [2, 176].

Являясь интегративным словарем-тезаурусом, “Немецкий язык” Малера тем не менее не получил распространения за рамками 60-х годов XVI века, сведения о его дальнейших переизданиях отсутствуют. Таким образом, группа словарей, изданных в Цюрихе Хр.Фрошауэром, базировалась не на потребностях фиксации швейцарского узуса, а на традициях тезаурусов.

С конца 80-х годов XVI века влияние восточно-средне немецкого варианта на швейцарскую письменно-литературную традицию усилилось. В этом процессе лексикографы играли ведущую роль, в отличие от цвинглианских авторов, проза которых консервативно сопротивлялась лексическим новациям. Видимо, решающее значение имела позиция поздних гуманистов пост-реформационного периода, положительно воспринявших интеграционные процессы. В результате процесс взаимодействия лексических узусов юго-западного, восточно-средне немецкого и юго-восточного вариантов проходил ступенчато не только в отдельных территориях (Базель, Цюрих, локальные центры), но и в разных типах письменности, будучи гетерохронным даже в рамках нескольких десятилетий (1520-1600-е гг.). Благодаря отмеченным особенностям региональная лексикография юго-запада немецкой языковой области приобрела в 16 веке общенемецкое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гухман М.М. и др. История немецкого литературного языка XVI-XVIII веков. М., 1984.
2. Миронов С.А. История нидерландского литературного языка. М., 1986.
3. Дубинин С.И. Немецкая региональная лексикографическая традиция в XVI веке // Терминоведение. 1997. № 1-3.
4. Schirokauer A. Die Anfänge der neuhochdeutschen Lexikographie // *Modern language quarterly*. 1945, Vol.6 № 1.
5. Дубинин С.И. Й.Малер и становление немецкой лексикографической традиции // Лексика. Лексикография. Научно-технический перевод. Тез. докл. научн. совещ. Орел, 1990.
6. Erben J. Luther und die neuhochdeutsche Schriftsprache // *Deutsche Wortgeschichte*. Berlin-N.Y., 1974.-Bd. 1.
7. Peters M. Geßners Einfluß auf die deutsche und niederländische Lexikographie des 16. Jahrhunderts // *Niederdeutsche Mitteilungen*. 1972, Jg. 28.
8. Гухман М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М., 1959. Ч. 2.
9. Дубинин С.И. Региональное варьирование в языке произведений У.Цвингли // Проблемы истории индоевропейских языков. Тез. докл. Всесоюз. конф. Тверь, 1991. Ч. 2.